

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 537–571.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 537–71.

Научная статья

УДК 94(571.1/5):378

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-5>

<https://elibrary.ru/fxifod>

Формирование политических позиций сибирской инженерно-технической профессуры в условиях революции 1917 г. и гражданской войны

Алексей Григорьевич Осипов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия,
a.g.osipov@ssga.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>

Aleksei G. Osipov

Siberian State University of Geosystems and Technologies,
Novosibirsk, Russia,
a.g.osipov@ssga.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>

Денис Игоревич Муренко ✉

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия,
✉ denismurenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>

Denis I. Murenko ✉

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,
✉ denismurenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>

Аннотация. В статье исследуются проблемы жизнедеятельности инженерно-технической школы Сибири в годы революций и гражданской войны, дается оценка уровня развития российского инженерно-технического образования в первые десятилетия XX в. Авторы раскрывают основные направления общественно-политической деятельности и ценностную ориентацию преподавательского состава и студенчества инженерно-технической школы Сибири. На материалах Томского образовательного комплекса выявлено, что профессорско-преподавательская среда технических вузов придерживалась либеральных взглядов, склоняясь к поддержке областничества. Студенчество отличалось более радикальными, эсеро-меньшевистскими взглядами. Сделан вывод, что для профессорско-преподавательского состава и учащихся высшей инженерно-технической школы Сибири в рассматриваемый период был характерен волнообразный процесс политизации. По мнению авторов, правление антибольшевистских режимов на востоке страны противоречиво

© Осипов А.Г., Муренко Д.И., 2026

© Osipov A., Murenko D., 2026

сказалось на положении высшей технической школы. С одной стороны, были созданы новые очаги высшего технического образования, в частности, Омский (коммерческий) политехнический институт, а с другой стороны, вследствие мобилизации части студенчества, занятия в некоторых вузах велись нерегулярно. Тем не менее, несмотря на революционные события 1917 г. и перипетии гражданской войны, в Томске и Омске подготовка инженерных кадров продолжалась. В условиях постоянной смены политических режимов интеллигенция инженерно-технической школы была склонна занимать конформистскую позицию по отношению к властям, при этом требуя сохранения за собой академических свобод и финансирования.

Ключевые слова: высшее инженерно-техническое образование, Великая российская революция, гражданская война, политизация студенчества, уровень инженерной подготовки, конформизм, нонконформизм

Для цитирования: Осипов А.Г., Муренко Д.И. Формирование политических позиций сибирской инженерно-технической профессуры в условиях революции 1917 г. и гражданской войны // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 537–571, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-5>; EDN: FXIFOD

Formation of Political Positions of Siberian Engineering and Technical Professoriate in the Conditions of the 1917 Revolution and Civil War

Abstract. The article examines the problems of the activity of Siberia's engineering and technical school during the years of revolutions and the civil war. It assesses the level of development of Russian engineering and technical education in the first decades of the twentieth century. The main areas of socio-political activity and the value orientation of the faculty and students of Siberian engineering and technical school are considered. Based on the materials of the Tomsk educational complex, it was established that the faculty of technical universities adhered to liberal views tending to support regionalism. The students were distinguished by more radical Socialist-Revolutionary-Menshevik views. It is concluded that during the period under review, the staff and students of Siberia's higher engineering and technical school were undergoing a wave-like process of politicization. According to the authors of the article, the rule of anti-Bolshevik regimes in the east of the country had a contradictory effect on the position of higher technical school. On the one hand, new centers of higher technical education were created, in particular, the Omsk (Commercial) Polytechnic Institute, and on the other hand, due to the mobilization of part of the students, classes in some universities were irregular. Nevertheless, despite the revolutionary events of 1917 and the vicissitudes of the civil war, the training of engineering personnel continued in Tomsk and Omsk. In the conditions of constant change of political regimes, the intelligentsia of the engineering and technical school was inclined to take a conformist position in relation to the authorities while demanding the preservation of academic freedoms and funding.

Keywords: higher engineering and technical education, The Great Russian Revolution, Civil War, politicization of students, level of engineering training, conformism, nonconformism

For citation: Osipov, A.G., and D.I. Murenko. "Formation of Political Positions of Siberian Engineering and Technical Professoriate in the Conditions of the 1917 Revolution and Civil War." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 537–71, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-5>; EDN: FXIFOD

Введение

В России решающий прорыв в области инженерного образования был сделан в первые два десятилетия XX в. Накануне Первой мировой войны в Российской империи наблюдался значительный рост числа технических вузов, что было обусловлено потребностями развивавшейся промышленности и военного сектора. Только между 1894 и 1917 гг. было учреждено восемь новых инженерных вузов, а численность студентов технических специальностей увеличилась с 5,7 тыс. чел. в 1898 г. до 27,3 тыс. чел. в 1913 г.¹

Указанный период стал временем расцвета русского математического, естественно-научного и технического образования. Именно тогда в России сложилась уникальная модель и концепция физико-технического образования. Применение сложных математических методов и достижений в области теоретической физики, механики, химии и биологии к решению важных практических задач, становление профессиональной области прикладной науки, создание соответствующей инфраструктуры в виде институтов и лабораторий – эти тенденции сформировались в ряде ведущих государств, прежде всего в Германии, США и России.

К 1917 г. Россия владела примерно таким же инженерным потенциалом, как Германия, а Францию по этому показателю превосходила. Более высокий рост демонстрировали только США, где система технического и сельскохозяйственного образования активно развивалась с 60–70-х гг. XIX в. 1916 год считается датой окончательного формирования новой модели «физико-технического» образования, позже повлиявшей на возникновение так называемой «системы Физтеха»². «Физико-технический подход» оказал определенное воздействие на европейскую и американскую науку и образование.

Развитие инженерного образования в России в начале XX в. происходило в условиях обострения социально-политической обстановки. Революция и последовавшая за ней гражданская война стали серьезным вызовом для высшей инженерно-технической школы. Особенно остро это проявилось в Сибири, которая, являясь научно-образовательной периферией, не имела столь прочных традиций высшего образования и отличалась незначительным количеством высших учебных заведений по сравнению с Европейской частью России.

¹ Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 127.

² Феклисова Т.М., Мозгунова Н.Н. Становление русской инженерной школы // Профессиональное образование: актуальные проблемы и пути их решения: материалы 3-й региональной научно-практической Интернет-конференции (Ливны, 18 декабря 2020 года) / под редакцией Е.А. Звягиной. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. С. 99.

Несмотря на то, что историография по теме исследования не столь обширна, вопросы развития высшего технического образования в Российской империи освещались в работах Н.В. Хисамутдиновой³, В.Н. Тарасовой⁴, В.В. Рыжковского⁵ и других исследователей. Однако в их трудах специфика сибирского региона представлена недостаточно. Проблема развития высшей школы в Сибири, а также формирование профессорско-преподавательского состава в дореволюционный период стали основными направлениями исследований томских историков С.А. Некрылова и М.В. Грибовского⁶. Вместе с тем, их внимание было сосредоточено преимущественно на университетах, а не на инженерно-технических учебных заведениях Сибири указанного периода.

Основная часть

Становление высшего инженерно-технического образования в Сибири было тесно связано с подготовкой высококвалифицированных специалистов для Транссибирской магистрали. Великий железнодорожный путь на рубеже XIX–XX вв. испытывал острую нужду в инженерных кадрах, геологах и изыскателях. Поэтому первыми факультетами (отделениями) первого в Сибири технического вуза – Томского технологического института (далее – ТТИ) – стали механический, горный, химический и инженерно-строительный.

Российская империя в ту пору по качеству и уровню развития инженерно-технического образования входила в пятерку ведущих стран. Звание инженера было одним из самых престижных, а его работа – высокооплачиваемой. Статус инженеров-путейцев и инженеров связи, горных инженеров, инженеров лесо- и землеустроителей был высок. Они обладали весомыми привилегиями. Форма, военные чины, объединения в специализированные корпуса вселяли в них военно-корпоративный дух, хотя формально они не являлись

³ *Хисамутдинова Н.В.* Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899–1990 гг.). Владивосток: ВГУЭС, 2009. 286 с.

⁴ *Тарасова В.Н.* Высшая инженерная школа России (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000.

⁵ *Рыжковский В.В.* Высшее специальное образование в 1880–1930-х годах (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Дмитриев А.Н. и др. Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775–808.

⁶ *Некрылов С.А., Грибовский М.В.* Сибирская профессура рубежа XIX–XX веков: социальный и политический портрет // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 21–37. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>, EDN: XRVEEN; *Грибовский М.В.* Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–71. EDN: UGXMEJ

военнослужащими. Верхи инженерного и профессорско-преподавательского корпусов получали чины, приравненные к генеральским. Поэтому прогрессивная дворянская молодежь тянулась к приобретению инженерно-технического образования, а для юношей из низов оно фактически становилось социальным лифтом.

К началу Первой мировой войны в России функционировало 15 государственных инженерно-промышленных вузов (в подавляющем большинстве своем в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове). Более половины студентов этих учебных заведений было представлено выходцами из высших сословий – дворян и священнослужителей. В Сибири студенческий контингент и профессорско-преподавательский состав по сословному положению были более демократичными.

Конкурс в высшие инженерно-технические заведения до революции составлял 4–5 человек на одно место, а в столичные вузы этого профиля – еще больше. Обучение в технических вузах было платным и стоило в среднем примерно 100 рублей в год (примерно \$50 США). При этом в самих Соединенных Штатах и Англии такое образование обходилось в \$1 тыс. в год, т.е. в двадцать раз дороже. Малоимущие студенты в Российской империи могли быть освобождены от оплаты обучения. Более того, им выделялась довольно весомая стипендия, нередко достигавшая 300 рублей в год.

Престижным было и положение профессорско-преподавательского состава (далее – ППС). При этом не все его представители имели дворянские корни. К 1917 г. дворян среди преподавателей инженерно-технических вузов было около трети. Тем не менее, все получившие ученую степень, начиная с магистра, имели, по крайней мере, личное дворянство, т.е. принадлежали к высшему сословию. Доля землевладельцев (в основном помещиков), которые жили за счет ренты с земли, среди ППС составляла не более 6%. Исходя из этого, можно сделать вывод, что преподавать в вузы шли в основном не самые состоятельные люди, для которых жалование имело большое значение. Основная же часть ППС пополнялась представителями других сословий. Среди них были выходцы из разночинной интеллигенции, мещан, духовенства и купеческого сословия⁷. Поскольку в Российской империи штатные преподаватели вузов являлись государственными служащими и получали чины коллежских, тайных и статских советников, то чиновный статус обязывал их подчиняться всем указаниям властей. Тем не менее, привычка самостоятельно

⁷ Вдовенко А. Сколько зарабатывали преподаватели императорских университетов. И какой у них был статус в России конца XIX – начала XX века // Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-universitetov/> (дата обращения: 02.03.2025).

мыслить приводила ряд преподавателей к конфликтам с властью, что заканчивалось увольнением непослушных, а иногда и временным закрытием вуза.

Профессорам и преподавателям в сибирских вузах полагались дополнительные льготы и привилегии в связи с несением службы в условиях сурового климата и удаленностью от столичных культурных центров. Так, например, в Томске профессора зарабатывали в полтора раза больше, чем их коллеги из европейской части России. Экстраординарным профессорам (начинающим сотрудникам) полагалось жалованье в 3 000 руб., ординарным профессорам (могли заведовать кафедрой) – 4 500 руб. в год. После 5–10 лет выслуги предоставлялась надбавка от 20 до 40 % жалованья. Право выхода на пенсию для томских профессоров наступало на 5 лет раньше обычного. После 20 лет выслуги ординарный профессор мог рассчитывать на пенсию в 2 400 руб., за 25 лет службы в том же звании пенсия увеличивалась до 4 500 руб.⁸

В первой четверти XX в. Томск являлся главным интеллектуальным центром на востоке страны. В городе располагался университет, открытый еще при Александре III, а также технологический институт и высшие женские курсы.

Учебно-воспитательный процесс в сибирских вузах инженерного профиля выстраивался исходя из того, что специфика работы на местных относительно мелких предприятиях не позволяла содержать значительное число инженерных кадров. Поэтому от инженеров требовались универсальность знаний и навыков, умение адаптироваться к суровым природным условиям, оригинальное конструкторское мышление. Учебный процесс в Томском технологическом институте, например, в полной мере отвечал этим требованиям. Предметная система обучения, принятая в институте, обеспечивала студентам значительную автономию в распределении учебного времени. Благодаря этому студенты ТТИ имели возможность беспрепятственно посещать лекции, проводимые профессорами по иным дисциплинам и на других факультетах, нежели те, на которых они учились.

Политические предпочтения томской профессуры выражались в принадлежности к различным партиям. Среди ППС Томска значилось 43 члена «Партии народной свободы» (кадеты) и 15 членов «Союза 17 октября». Среди тех и других преобладали профессора пожилого возраста. Представители революционных и крайне правых движений находились в меньшинстве –

⁸ Первые профессора Императорского Томского университета // Экскурсионно-просветительский центр ТГУ. URL: <https://museum.tsu.ru/stud/professor> (дата обращения: 02.03.2025).

5 черносотенцев, 2 эсера, 2 меньшевика и 1 большевик. Преподаватели, которые не состояли в партиях, придерживались либеральных взглядов. Отличительной чертой ППС Томска было то, что наставники студентов в технологическом институте были значительно либеральнее университетских. Так, в технологическом институте насчитывалось 26 профессоров-кадетов, а в университете их было всего 17. Октябристы напротив преобладали в университете – 14 профессоров, а в технологическом институте был лишь один октябрист⁹. Среди преподавателей-гуманитариев кадеты и октябристы были представлены более равномерно.

Основываясь на данных цифрах, можно сделать вывод, что техническая интеллигенция вузов, придерживаясь по преимуществу демократических взглядов, была настроена довольно критично по отношению к царской власти. Не зря в 1910 г. в письме к министру народного просвещения попечитель Томского учебного округа предлагал закрыть ТТИ как рассадник революционной крамолы.

Оппозиционные взгляды профессоров транслировались и студенчеству, которое в основном все более радикализировалось и склонялось к левым взглядам. Самыми популярными партиями среди студентов были эсеры, меньшевики и большевики. Консервативно настроенная часть ППС считала, что недопустимо втягивать молодежь в политику, требовала оградить студенчество от участия в политической деятельности. В ответ студенты нередко подвергали осмеянию своих наставников-консерваторов, в частности октябристов, не посещали их лекции или вовсе срывали занятия, устраивая политические провокации, к профессорам же с демократическими взглядами относились доброжелательно.

Представителей либерального крыла ППС иногда увольняли по политическим мотивам. Так, в 1906 г. был освобожден от должности первый директор ТТИ, профессор Е.Л. Зубашев. Пострадал от царской власти и впоследствии всемирно известный геолог и путешественник, академик АН СССР В.А. Обручев, который, как и Зубашев, был активным членом кадетской партии. Также в 1906 г. по предписанию местных властей был уволен будущий знаменитый ученый-химик, член-корреспондент АН СССР Н.М. Кижнер. Профессора-кадеты активно выступали за либерализацию учебного процесса не

⁹ Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак // iknigi.net. URL: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html> (дата обращения: 02.03.2025).

только в вузах, но и гимназиях, требовали закрепить за гимназистами и студентами право на забастовки¹⁰.

Первая мировая война до основания потрясла систему высшего технического образования. В Сибири в начале войны среди профессорско-преподавательского состава и студентов наблюдался патриотический подъем. До июня 1916 г. в действующую армию было призвано 693 студента ТТИ, из них: прапорщиков запаса – 33 человека, студентов 1-го и 2-го курсов, родившихся в 1888–1896 гг. – 514, добровольцев – 66¹¹. Практически на войну ушло около двух третей контингента, хотя в первые военные годы студенты имели отсрочку от службы до достижения 28 лет. Но некоторые отправились на фронт добровольцами, многие устроились на оборонные предприятия. Студенты-добровольцы считались в отпуске до окончания войны. Профессорско-преподавательский состав имел «бронь».

В Томске, как и в других крупных городах Российской империи, был создан Военно-промышленный комитет. В него вошли некоторые профессора технологического института. К выполнению военных заказов, в том числе и на научные исследования, были подключены мастерские и лаборатории института. Так, в механической лаборатории под руководством профессора И.И. Бобарыкова изготавливались крупные части наборов калибров для измерения 9-сантиметровых бомб (для бомбометов), было сделано около 10 000 медных кнопок для патронных сумок. В 1915 г. механические мастерские института получили заказ на изготовление 10 токарных станков для обработки ружейных стволов¹².

К 1916 г. патриотический настрой сибирской вузовской интеллигенции стал иссякать. Война затягивалась и даже в глубоком тылу ощущались ее тяготы и невзгоды. Весной 1916 г. студенты Томского технологического института присоединились к протестам, организованным столичным студенческим сообществом. Поползли слухи, что в условиях разгула протестной активности студентов будут подвергать мобилизации в армию. Поэтому студенчеству предлагалось призыв в армию использовать в революционных целях, ведя постоянную социалистическую пропаганду и организационную работу в рядах

¹⁰ Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны // ru_civil_war. URL: <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html> (дата обращения: 02.03.2025).

¹¹ Отечества сыны // За кадры. Газета Томского политехнического университета. 2014. № 13 (3413) (19 сентября). С. 3.

¹² Отечества сыны // За кадры. Газета Томского политехнического университета. 2014. № 13 (3413) (19 сентября). С. 3.

армии и входя в связь с существующими партийными группами среди трудовых масс¹³.

Февральскую революцию 1917 г. сибирская либеральная профессура встретила восторженно. Томская организация кадетской партии к тому времени была самой многочисленной в Сибири, в ней числилось порядка 600 человек¹⁴. В это время выросла популярность молодого лидера кадетской партии профессора ТТИ Николая Виссарионовича Некрасова (1879–1940). Родился он в Санкт-Петербурге, происходил из семьи священнослужителей. После революции 1905–1907 гг. стал членом Центрального комитета партии, депутатом III и IV Госдумы. Был весьма амбициозен. Не раз критиковал лидера партии кадетов П.Н. Милюкова. В первом и втором составе Временного правительства Некрасов занимал пост министра путей сообщения. В третьем составе он стал правой рукой А.Ф. Керенского, вступив в должность заместителя министра-председателя. Однако из-за разногласий с Керенским Некрасов вскоре был отправлен в качестве генерал-губернатора в Финляндию. Летом 1917 г. он покинул ряды партии¹⁵.

После Февраля начался новый виток в карьере бывшего директора ТТИ, профессора-кадета Е.Л. Зубашева. Он был назначен губернским комиссаром Томской губернии. Февральская революция вызвала не только развал армии и промышленности, но и дезорганизацию высшего образования и науки. В Российской империи значительная часть научно-технических проектов координировались и финансировались правительством, а иногда непосредственно членами царской фамилии. Все остановилось практически сразу после свержения Николая II. Единство власти распалось, она перешла к комитетам, советам, комиссиям. Развернулись нескончаемые дискуссии о преобразованиях, поиски ответственных, практическая деятельность замерла.

В Сибири ППС инженерно-технического профиля искал силу, к которой можно было бы «прислониться». Целый ряд работников примкнули к сибирским областникам, активизировавшимся в мае–июне 1917 г. С 30 апреля по 2 мая 1917 в Томске проходил I Общесибирский съезд партии кадетов и I Съезд Енисейского казачества. Делегаты требовали немедленно созвать Сибирскую Областную Думу. Областники образовали свой организационный комитет.

¹³ Отечества сыны // За кадры. Газета Томского политехнического университета. 2014. № 13 (3413) (19 сентября). С. 3.

¹⁴ Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак.

¹⁵ Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны.

Незадолго до захвата власти большевиками в столице в Томске состоялся I Областной Сибирский съезд. Собравшиеся требовали создать сибирские органы власти. Съезд открылся 8 октября 1917 г. в Томске в помещении университетской библиотеки. В президиуме съезда заседал возглавлявший Центральный сибирский организационный комитет Г.Н. Потанин. На заднем плане разместили бело-зеленое знамя: «Да здравствует автономная Сибирь!» и красное знамя социалистов-революционеров: «Земля и Воля». Трибуну оформили в бело-зеленых тонах¹⁶. Большинством голосов съезд постановил следующее: Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти¹⁷.

Октябрьскую революцию профессорско-преподавательский состав и большая часть студенчества сибирских вузов не приняли. Когда в Томске установилась новая власть, вузовская интеллигенция старалась саботировать все основные решения местного совета. Исключением являлись вопросы финансовые и хозяйственные. Так, профессора ТТИ вынуждены были пойти на контакт с новой властью, чтобы приостановить процесс перевода учебных мастерских в собственность государства¹⁸.

Взаимоотношения высшей школы с новой властью складывались с большим трудом. Разгон большевиками Учредительного собрания не вызвал среди профессуры серьезного недовольства. Дело в том, что среди этой группы были сильны прокадетские настроения. Кадеты же оказались в полном меньшинстве в Учредительном собрании и мало что теряли от его роспуска. Для либерально настроенной профессуры стало очевидно, что сформировать антибольшевистское правительство не получится.

В вузовской среде Сибири протестная активность не была особенно сильна. Однако новость о разгоне Учредительного собрания в январе 1918 г. была встречена общественностью Томска с большим волнением. Гласные Томской городской думы, среди которых были и представители ТТИ, поздно вечером 8 января собрались на экстренное собрание. Еще до начала заседания думский зал был переполнен. Большую часть составляли студенты, девушки-курсистки, гимназисты и рабочие. Также присутствовали представители ППС и служащие учреждений. Заседание началось с минуты молчания в память о погибших в

¹⁶ Жилиякова Н. Октябрь 1917-го в Томске: революция на фоне дефицита и преступности // vtomske.ru. URL: <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁷ Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // Acta Slavica Iaponica. 2016. Т. 37. С. 47–71.

¹⁸ Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны.

Петрограде в ходе разгона Учредительного собрания. Люди хотели получить объяснение, почему собрание было распущено¹⁹.

Вузовская общественность Томска была наэлектризована и 21 января 1918 г. предприняла попытку организовать протестную акцию. В большом зале библиотеки университета собрались перевозбужденные студенты. Возглавил стихийный протест правый эсер Прокопий Беляков. Собрание началось с минуты молчания в честь жертв событий 9 января 1905 г. и 5 января 1918 г. Затем перед собравшимися выступил председатель временного Сибирского областного совета П.Я. Дербер. Он склонял студентов поддержать политику Сибирской областной думы. Беляков и другие организаторы протестной акции хотели получить официальное разрешение на проведение общегородской студенческой забастовки. Разгорелись жаркие дебаты. Однако после перерыва, объявленного до 7 часов вечера, собрать необходимое количество студентов уже не удалось²⁰. После этих событий наступило временное политическое затишье, и сибирские высшие учебные заведения продолжили свою обычную работу.

Весной 1918 г. сибирские вузы были взбудоражены информацией из столицы. Стало известно, что большевики готовят новую реформу высшей школы, в рамках чего в системе Наркомата народного просвещения уже была создана комиссия по реформе высшего образования, в которую вошли профессор П.К. Штейнберг, М.Н. Покровский, В.А. Артемьев, М.А. Рейснер²¹.

Бывший профессор ТТИ большевик М.А. Рейснер являлся одним из главных разработчиков «Проекта положения о российских университетах», предполагавшего широкую автономию, децентрализацию и демократизацию вузов. По плану Рейснера каждый вуз должен был представлять собой совокупность трех направлений деятельности: ученой, просветительской и основной. Такое разделение, по мнению авторов проекта, наилучшим образом способствовало бы производству и распространению теоретических и прикладных наук. По Рейснеру, вузы получали полную автономию. Ведомственная подчиненность Наркомпросу ограничивалась лишь представлением ежегодных отчетов. Наркомат обязан был полностью финансировать вузы. Внутреннее же распределение средств осуществлялось бы самими вузами самостоятельно на основании коллегиального управления. Это означало в том числе, что должность ректора не предусматривалась, вместо нее

¹⁹ Городская Дума // Знамя революции (Томск). 1918. № 7 (10 января). С. 3.

²⁰ Помозов О.А. День освобождения Сибири // Лайвлиб. URL: <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11> (дата обращения: 02.03.2025).

²¹ Съезд по народному образованию // Известия ВЦИК. 1918. № 71 (335) (11 апреля). С. 4.

предлагалось следующее: «общее управление и руководство деятельностью университета осуществляется Советом университета (или Советом университетских ассоциаций)»²². Очевидно, что проект Рейснера по расширению автономии университетов стал выражением тех идей, которые обсуждались еще на рубеже XIX–XX вв. и были частично осуществлены Временным правительством.

Поначалу Советское руководство не ограничивало автономию высшей школы. Созданный в ноябре 1917 г. Наркомпрос не имел четкого плана действий в отношении высшей школы. В наркомат поступали принципиально различные проекты вузовской реформы. Одни предлагали сохранить автономию, другие – существенно ограничить. Глава Наркомпроса А.В. Луначарский требовал ликвидации автономии. Против этого категорически выступал ректор Московского университета М.А. Мензбир.

Также большевистские руководители не пришли к единому мнению, как быть с учащейся молодежью и преподавателями, которые не признавали советскую власть. Ликвидация автономии вузов сделала бы эту часть интеллигенции врагами советской власти и разрушила бы полностью систему высшего образования. Сохранение автономии позволяло в будущем наладить диалог властей с представителями высшей школы.

В итоге большевики временно отказались от идеи закрытия вузов, но не отреклись от самой идеи реформирования высшей школы. Было решено на определенный срок пойти на уступки, чтобы в дальнейшем совместно с профессурой разработать новый проект реформы. Реформаторы планировали сделать вузы более открытыми и доступными для всех граждан страны. Понимались эти предложения по-разному, но фактически речь шла о коренном сломе прежней системы. Во-первых, предлагалось ввести общественный контроль вузов с помощью специальных «Народных советов». Во-вторых, выдвигалось предложение отменить вступительные экзамены, упразднить привилегированное положение ППС в вузах, привлекать к преподаванию студентов. В таком виде проект М.А. Рейснера был одобрен и разослан для обсуждения в вузы страны. Однако все эти идеи доходили до Сибири с большим опозданием и до антибольшевистского переворота в мае 1918 г. не были восприняты местным научно-педагогическим сообществом.

После свержения советской власти летом 1918 г., когда правление до ноябрьского переворота Колчака сосредоточилось в руках так называемого

²² Парсамов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 121–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

«демократического» Временного сибирского правительства, оплотом автономистов-областников стала Сибирская областная дума. В ее состав вошли профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский, Б.П. Вейнберг, В.В. Сапожников, С.П. Никонов, а ГТИ представлял профессор П.П. Гудков.

Томская профессура заняла важные места во Временном сибирском правительстве. Так, кадет В.В. Сапожников стал кандидатом в члены правящей Директории и министром народного просвещения. Именно благодаря ему в октябре 1918 г. был открыт Иркутский университет. Профессор ГТИ областник П.П. Гудков занял пост министра торговли и промышленности. Профессор университета кадет Н.Я. Новомбергский стал товарищем министра туземных дел.

Во второй половине 1918 г. профессура сибирских вузов активно выступала за сохранение широкой академической свободы и университетской автономии, которые были получены еще при Временном правительстве. Уставы сибирских вузов, принятые уже в новых условиях, отражали эти стремления. В целом же, в условиях активной фазы Гражданской войны, вопросы, связанные с демократизацией внутренней общественной жизни вузов, стали реже подниматься в преподавательском и научном сообществе. Изредка все же звучали предложения о том, чтобы допустить низшее звено ППС к участию в выборе ректора. Либерально настроенные профессора предлагали больше вовлекать студентов в принятие решений, касающихся внутренней жизни факультетов.

Гражданская война разгоралась, вузовская интеллигенция стремилась уйти из ее очагов. К концу лета 1918 г. Сибирь стала прибежищем для части преподавателей целого ряда вузов Европейской России. Например, 7 августа 1918 г. В.О. Каппель взял Казань, где был захвачен золотой запас России. Под контролем белых оказался Казанский университет, чему его преподаватели в большинстве своем были несказанно рады. Но радость была недолгой. Уже через месяц Красная Армия отбила Казань. Вместе с белыми Казань покинули 96 преподавателей, многие из которых позднее нашли работу в томских вузах. Уральское наступление РККА также привело к отъезду на восток части пермских вузовских педагогов и студентов, значительная часть из них, вслед за казанскими коллегами, в июне 1919 г. перебазировалась в Томск.

В период революционных событий Сибирь прирастала и новыми вузами. В Омске были учреждены Коммерческий институт и частный Сельскохозяйственный институт. Осенью 1918 г. раскрыл свои двери для студентов Иркутский университет, ставший первым высшим учебным заведением в Восточной Сибири. В этом же году во Владивостоке был создан Политехнический институт. В Омском коммерческом институте, например,

студентов готовили по двум направлениям – «Экономика и коммерческое дело». Весной 1918 г. его преобразовали в Политехнический институт. Через некоторое время в институте были созданы новые факультеты, которые помимо экономистов, стали готовить специалистов в области химии, механики и инженерно-строительного дела. ППС Политехнического института состоял из 7 профессоров. В составе же частного Сельскохозяйственного института было открыто 5 факультетов. Институт готовил агрономов, ветеринаров, специалистов в области лесного дела и экономики. В вузе работало около 20 профессоров²³.

Верхи сибирской профессуры, особенно инженерно-технического профиля, активно приветствовали пришедшего к власти в ноябре 1918 г. Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Среди них наиболее ярко выделялся молодой, амбициозный и деятельный профессор права Томского университета член кадетской партии Г.Г. Тельберг. Вначале он управлял делами колчаковского кабинета министров, затем занял пост министра юстиции и вице-премьера, став фактически одним из самых приближенных к Колчаку лиц. Благодаря его протекции многие преподаватели из ТТИ получили возможность продвинуться по службе. Так, профессор С.А. Введенский занял должность министра торговли и промышленности, профессор С.В. Лебедев получил пост директора Департамента промышленности этого же министерства, а племянник Г.Н. Потанина, профессор кадет-областник А.В. Лаврский стал председателем городской думы Томска.

В целом ППС и студенчество Сибирской высшей инженерно-технической школы положительно приняли установление колчаковского режима. Многие надеялись на возвращение дореволюционных льгот и привилегий. Но ситуация не благоприятствовала нормальной учебной и научной деятельности. Несмотря на увеличение окладов ППС и финансовую поддержку колчаковского Минпроса вузы постоянно испытывали материальные затруднения.

Часть преподавательского состава технических вузов участвовала не только в хозяйственно-экономической, но и в общественно-политической жизни региона. Так, в марте 1919 г. Совет ТТИ назначил профессора П.А. Микулина в

²³ *Посадсков А.Л.* Высшее образование в столице «белой» Сибири: из истории вузов г. Омска в годы Гражданской войны (1918–1919) // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. (Красноярск, 15–16 ноября 2005 г.) / под редакцией Я.М. Кофмана. Красноярск: Издательство Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2006. С. 291.

Губернский комитет помощи армии Колчака²⁴. Но это не улучшило положение института: многие его помещения занимали сторонние организации, аудитории не отапливались. Сроки приема в вуз были сдвинуты на октябрь. В настроениях студентов и преподавателей появились разочарование и безысходность. Лояльность профессорско-преподавательского состава инженерно-технического профиля к режиму Колчака пошатнулась, когда кадеты предложили призывать в армию Колчака представителей интеллигенции, включая студентов, гимназистов и преподавателей²⁵.

Правление антибольшевистских режимов на востоке страны противоречиво сказалось на положении высшей технической школы. С одной стороны, были созданы новые очаги высшего инженерного образования, в частности, Омский (коммерческий) политехнический институт, а с другой – занятия в вузах фактически замерли, студенчество почти поголовно было мобилизовано. Более или менее свободные помещения вузов были заняты под военные нужды, лазареты и правительственные учреждения²⁶.

Однако революционные события и гражданская война не остановили подготовку инженерно-технических кадров. Более того, вузы региона стали прибежищем профессуры и студентов из центра страны. Так, с сентября 1918 по март 1920 г. в Томске жил и работал Николай Николаевич Семенов, который позднее, в 1956 г., получил нобелевскую премию по химии²⁷. Многих новоприбывших приняли на работу в технологический институт и университет. Конкретно Семенов по представлению ректора Томского университета профессора А.П. Поспелова 15 февраля 1919 г. советом физико-математического факультета был избран младшим ассистентом.

В 1918 г. свою учебу в ТТИ начал один из будущих главных конструкторов отечественных вертолетов Николай Ильич Камов. Причем он был зачислен в институт в возрасте 15 лет. С 1918 по 1923 г. Камов обучался на механическом

²⁴ Выписки из протоколов заседаний совета. Отношение ректора к управляющему Томской губернией и союзу преподавателей о выборе представителей в комитет помощи армии // Государственный архив Томской области. Ф. 194. Оп. 1. Д. 262. Л. 5.

²⁵ *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). Москва: Наука, 1982. С. 53.

²⁶ «Докладная записка коллегии по управлению вузами Томска» в отдел высших учебных заведений Наркомпрофса, Главпрофобр, Сибнаробраз и Сибпрофобр о состоянии высшей школы от 5 июля 1920 г. // Власть и интеллигенция в сибирской провинции (конец 1919–1925 гг.): сборник документов / составители С.А. Красильников и др. Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 45–56.

²⁷ *Майер Г.В., Фоминых С.Ф.* Томский период в жизни академика Н.Н. Семенова // Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (дата обращения: 02.03.2025).

факультете. Интересно, что будущий конструктор вертолетов делил парту со знаменитым тогда русским летчиком, награжденным французской Военной Медалью и Военным крестом, Харитоном Никаноровичем Славороссовым, под влиянием которого проникся любовью к авиации и авиастроению.

Летом 1919 г. правительство Колчака стало готовить сибирские учебные заведения, в числе которых были Омский политехнический и сельскохозяйственный институты, Омский кадетский корпус, Томский университет, к эвакуации на Дальний Восток. Однако лишь сравнительно небольшая часть студентов и преподавателей решила покинуть свои города. В Томске вузы продолжили работу, но в Омске в декабре 1919 г. деятельность инженерно-технических факультетов в составе Омского сельскохозяйственного института прекратилась²⁸. Политехники (часть ППС и студентов) убыли во Владивосток вместе с оборудованием кабинетов и библиотекой. Там омичи приняли участие в создании профильного вуза – Высшего политехникума. Профессорско-преподавательский состав получил возможность остаться во Владивостоке на постоянное местожительство²⁹.

С Томским технологическим институтом все сложилось иначе. Осенью 1919 г., когда колчаковские войска терпели поражения и отступали, Верховный правитель Колчак приказал военному коменданту Томска эвакуировать Технологический институт с оборудованием и библиотекой в Читу. Ректор института профессор Бобарыков Иван Иванович сумел убедить коменданта не делать этого, мотивируя невозможность эвакуации отсутствием нужного количества вагонов. Военачальник с этими доводами согласился, институт остался на месте и сохранил себя. Со сбоями, но ТТИ продолжал работать. Новая власть, взяв управление высшей школой Сибири на себя, не препятствовала продолжению подготовки инженерно-технических кадров.

Заключение

Таким образом, для высшей инженерно-технической школы Сибири периода революций и гражданской войны был характерен волнообразный процесс политизации профессорско-преподавательского состава и студенчества. Представители данной отрасли знания в регионе не только ощущали причастность ко многим общероссийским событиям, но и нередко принимали

²⁸ Полканов В.Д., Букин А.Ф. Омский коммерческий (политехнический) институт (1917–1919 гг.) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 5. С. 195–198. EDN: SHJYGZ

²⁹ Малявина Л.С. Роль ученых Урала и «белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета Серия: История. 2010. № 3 (11). С. 57–71.

в них непосредственное участие. Несмотря на периферийное положение, профессорско-преподавательский состав и студенчество инженерных вузов Сибири ощущали себя частью единого академического и научно-образовательного пространства страны, придерживаясь при этом в основной своей массе либеральных позиций и склоняясь к поддержке областничества. В целом этому отряду интеллигенции было свойственно так называемое расщепленное сознание. Однако, осознавая необходимость продолжения обучения, преподавательской и научной деятельности, инженерно-техническое образовательное сообщество было склонно занимать конформистскую позицию по отношению к властям.

Introduction

A decisive breakthrough in engineering education in Russia occurred in the first two decades of the 20th century. On the eve of World War I, the Russian Empire saw a significant increase in the number of technical universities, driven by the needs of the developing industry and military sector. Between 1894 and 1917 alone, eight new engineering universities were established, and the number of students in technical specialties increased from 5,700 in 1898 to 27,300 in 1913.¹

The abovementioned period marked a golden age for Russian mathematical, natural science, and engineering education. It was then that a unique model and concept for physical and engineering education emerged in Russia. The application of complex mathematical methods and advances in theoretical physics, mechanics, chemistry, and biology to the solution of important practical problems, the development of a professional field of applied science, and the creation of a corresponding infrastructure in the form of institutes and laboratories – these trends emerged in a number of leading countries, primarily Germany, the United States, and Russia.

By 1917, Russia had been in possession of roughly the same engineering potential as Germany and surpassed France in that regard. Only the United States, where the system of technical and agricultural education had been actively developing since the 1860s and 1870s, demonstrated greater growth. 1916 is considered the date of the final formation of the new model of “physical and engineering” education, which later influenced the emergence of the so-called PhysTech system.² The physical and engineering approach had a certain impact on European and American science and education.

The development of engineering education in Russia in the early 20th century occurred in a deteriorating socio-political situation. The revolution and subsequent civil war posed a serious challenge to higher engineering and technical education. It was particularly noticeable in Siberia. Being a scientific and educational periphery, it lacked such a strong tradition of higher education as and had a much smaller number of higher educational institutions than the European part of Russia.

Although the historiography on this topic is not extensive, the development of higher technical education in the Russian Empire has been explored in the works of

¹ D.L. Saprykin, “Engineering Education in Russia: History, Concept, and Prospects” [in Russian], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 1 (2012): 127.

² T.M. Feklisova, and N.N. Mozgunova. “The Formation of Russian Engineering School” [in Russian], in *Professional Education: Current Problems and Solutions: Proceedings of the 3rd Regional Scientific and Practical Internet Conference (Livny, December 18, 2020)*, ed. E.A. Zvyagina (Orel: OGU imeni I.S. Turgeneva, 2021), 99.

by N. Khisamutdinova,³ V. Tarasova,⁴ V. Ryzhkovskii,⁵ and other researchers. However, their works underrepresent the specific characteristics of the Siberian region. The development of higher education in Siberia as well as the formation of the faculty in the pre-revolutionary period became the main areas of research for Tomsk historians S. Nekrylov and M. Gribovskii.⁶ However, their attention was focused primarily on universities rather than on engineering and technical educational institutions in Siberia during the specified period.

Main Body

The development of higher engineering and technical education in Siberia was closely linked to the training of highly qualified specialists for the Trans-Siberian Railway. At the turn of the 20th century, the great railway line was in dire need of engineers, geologists, and prospectors. Therefore, the first faculties (departments) of Siberia's first technical university, Tomsk Technological Institute (hereinafter TTI), were the mechanical, mining, chemical, and civil engineering departments.

At that time, the Russian Empire ranked among the top five countries in terms of the quality and development of engineering and technical education. The title of engineer was one of the most prestigious, and the work was highly paid. The status of railway and communications engineers, mining engineers, and forestry and land surveyors was high, and they enjoyed significant privileges. Uniforms, military ranks, and associations in specialized corps imbued them with a military-corporate spirit, even though formally they were not military personnel. The top positions of the engineering and teaching staff were given ranks equivalent to those of generals. Therefore, progressive young noblemen were drawn to engineering and technical education, while it was an effective social lift for young men from the lower classes.

³ N.V. Khisamutdinova, *Far Eastern School of Engineers: On the History of Higher Technical Education (1899–1990)* [in Russian] (Vladivostok: VGUES, 2009).

⁴ V.N. Tarasova, "Higher Engineering School of Russia (Last Quarter of the 18th Century – 1917)" [in Russian] (Doctoral thesis, Russian Independent Institute of Social and National Problems, 2000).

⁵ V.V. Ryzhkovskii, "Specialized Higher Education in the 1880s–1930s (Medicine, Agriculture, Finance, and Economics)" [in Russian], in A.N. Dmitriev et al., *Timetable of Change. Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012), 775–808.

⁶ S.A. Nekrylov, and M.V. Gribovskii, "Siberian Professoriate in the Late 19th – Early 20th Centuries: A Social and Political Profile" [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (55) (2018): 21–37, <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>, EDN: XRVEEH; M.V. Gribovskii, "Political Activity of the 'Leftist' University Professors in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2 (44) (2015): 54–71, EDN: UGXMEJ

At the beginning of World War I, there were 15 state engineering and industrial universities operating in Russia (the overwhelming majority of them in St Petersburg, Moscow, Kyiv, and Kharkov). More than half of the students at those institutions came from the upper classes (nobility and clergy). In Siberia, the student body and faculty were more democratic in terms of class status.

Before the revolution, competition for admission to higher engineering and technical institutions was 4–5 applicants per place, and even higher for Moscow universities in that field. Tuition at technical universities was fee-based, averaging approximately 100 rubles per year (approximately \$50 US). In the United States and England, however, the same education cost \$1,000 per year, twenty times more. Low-income students could be exempt from tuition in the Russian Empire. Moreover, they were awarded substantial stipends, often reaching 300 rubles per year.

The position of the faculty was also prestigious. However, not all of them had noble roots. By 1917, nobles had made about a third of the faculty at engineering and technical universities. Nevertheless, all those who received an academic degree (starting with master's degree), had at least personal nobility, i.e., belonged to the upper class. The share of landowners (primarily landlords), who lived off land rent, among the teaching staff amounted to no more than 6%. Based on this, it can be concluded that those who chose to teach at universities were not very wealthy individuals for whom salary was of great importance. The bulk of the teaching staff, however, came from other social classes. They included members of the intelligentsia of miscellaneous ranks (*raznochintsy*), the bourgeoisie, the clergy, and the merchants.⁷ Since full-time university professors in the Russian Empire were civil servants and held the ranks of collegiate, privy, and state councilors, their official status compelled them to obey all government orders. However, their habit of independent thinking led some professors into conflict with the authorities, which resulted in the dismissal of the disobeying and sometimes even temporary closure of their universities.

Professors and lecturers at Siberian universities were entitled to additional benefits and privileges due to their service in harsh climates and remoteness from the capital's cultural centers. For example, in Tomsk, professors earned one and a half times more than their colleagues in European Russia. Extraordinary professors (entry-level employees) were entitled to a salary of 3,000 rubles, while full professors (who could head a department) received 4,500 rubles per year. After 5–10 years of service, a bonus of 20 to 40% of the salary was provided. Tomsk professors were eligible for

⁷ A.Vdovenko, "How Much Did Professors at Imperial Universities Earn. And What Was Their Status in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Skillbox*, accessed March 2, 2025, <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-univer-sitetov/>

retirement five years earlier than usual. After 20 years of service, a full professor could expect a pension of 2,400 rubles; after 25 years of service at the same rank, the pension increased to 4,500 rubles.⁸

In the first quarter of the 20th century, Tomsk was the main intellectual center in the east of the country. The city was home to a university (which was founded during the reign of Alexander III), a technological institute, and higher education courses for women.

The educational process at Siberian engineering universities was structured around the specific nature of work at the local enterprises that were relatively small and did not allow for the maintenance of a significant number of engineering personnel. Therefore, engineers were required to possess versatile knowledge and skills, the ability to adapt to harsh environmental conditions, and original designer thinking. The educational process at Tomsk Technological Institute, for example, fully met those requirements. The institute's subject-based system of instruction provided students with significant autonomy in the distribution of their study time. Thanks to that, TTI students were free to attend lectures delivered by professors in disciplines and departments other than their own.

The political preferences of Tomsk professoriate were expressed through their affiliation with various political parties. Among the Tomsk teaching staff, there were 43 members of the People's Freedom Party (Kadets) and 15 members of the Union of October 17. Elderly professors predominated among both groups. Representatives of revolutionary and far-right movements were in the minority: 5 Black Hundreds, 2 Socialist Revolutionaries, 2 Mensheviks, and 1 Bolshevik. The faculty who were not party members held liberal views. A distinctive feature of the Tomsk teaching staff was that the student mentors at the Technological Institute were significantly more liberal than those at the university. For example, there were 26 Kadet professors at the Technological Institute, while there were only 17 of them at the university. Octobrists, by contrast, predominated at the university (14 professors), while at the Technological Institute there was only one Octobrist.⁹ Among the humanities faculty, Kadets and Octobrists were more evenly represented.

Based on these figures, one can conclude that while predominantly democratic, the technical intelligentsia of the universities was quite critical of the tsarist regime. It was not without reason that in a letter to the Minister of Public Education in 1910, the

⁸ "First Professors of Imperial Tomsk University" [in Russian], *Excursion and Educational Center of Tomsk State University*, accessed March 2, 2025, <https://museum.tsu.ru/stud/professor>

⁹ V.G. Khandorin, "National Idea and Admiral Kolchak" [in Russian], *iknigi.net*, accessed March 2, 2025, <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html>

trustee of the Tomsk educational district proposed closing TTI as a breeding ground for revolutionary sedition.

The professors' oppositional views also spread to the student body, which was increasingly radicalized and leaned toward the left. The Socialist Revolutionaries, Mensheviks, and Bolsheviks were the most popular parties among students. The conservative part of the faculty believed that it was unacceptable to draw young people into politics and demanded that students be shielded from political activity. In response, students often ridiculed their conservative teachers, particularly the Octobrists, by not attending their lectures or even disrupting classes, staging political provocations, while professors with democratic views were treated kindly.

Representatives of the liberal wing of the faculty were sometimes dismissed for political reasons. For example, in 1906, Professor E. Zubashev, the first director of the TTI, was dismissed. The world-renowned geologist and explorer V. Obruchev, Academician of the USSR Academy of Sciences, who, like Zubashev, was an active member of the Kadet Party, also suffered under the tsarist regime. N. Kizhner, the future famous chemist and Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, was also dismissed in 1906 by order of the local authorities. The Kadet professors actively advocated the liberalization of the educational process not only in universities but also in gymnasiums. They demanded that gymnasium and higher school students be given the right to strike.¹⁰

World War I shook the system of higher technical education to its foundations. In Siberia, a patriotic surge was observed among the faculty and students at the beginning of the war. By June 1916, 693 TTI students were called up for active duty, including 33 reserve warrant officer, 514 first- and second-year students born between 1888 and 1896, and 66 volunteers.¹¹ Almost two-thirds of the contingent went to war, although in the early years of the war, students were granted a deferment from military service until they reached the age of 28. However, some volunteered for the front, and many found jobs at defense plants. Student volunteers were considered on leave until the end of the war. The faculty had an exemption from active duty.

In the same way as in other large cities of the Russian Empire, a Military Industrial Committee was established in Tomsk. Some TTI professors joined it. The institute's workshops and laboratories were involved in fulfilling military orders, including scientific research. For example, the mechanical laboratory under the guidance of

¹⁰ V.G. Khandorin, "Political Evolution of Tomsk Professoriate during the Revolution and the Civil War" [in Russian], *ru_civil_war*, accessed March 2, 2025, <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html>

¹¹ "Sons of the Fatherland" [in Russian], *Za kadry. Gazeta Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 13 (3413), September 19, 2014, 3.

Professor I. Bobarykov manufactured large parts for caliber sets for measuring 9-centimeter bombs (for mortar launchers) and produced approximately 10,000 copper buttons for cartridge pouches. In 1915, the institute's mechanical workshops received an order to manufacture 10 lathes for machining rifle barrels.¹²

By 1916, the patriotic spirit of the Siberian university intelligentsia had begun to wane. The war dragged on, and its hardships and difficulties were felt even deep in the rear. In the spring of 1916, students from the Tomsk Technological Institute joined protests organized by the capital's student community. Rumors began to circulate that against the background of raging protests, students would be mobilized into the army amid. Therefore, students were encouraged to use the draft into the army for revolutionary purposes by conducting constant socialist propaganda and organizational work in the ranks of the army and by establishing contacts with existing party groups among the working masses.¹³

The February Revolution of 1917 was greeted enthusiastically by Siberian liberal professors. By that time, the Tomsk branch of the Kadet Party had become the largest in Siberia, with approximately 600 members.¹⁴ The young leader of the Kadet Party, TTI professor Nikolai V. Nekrasov (1879–1940) was enjoying growing popularity. He was Born in St Petersburg and came from a family of clergy. After the Revolution of 1905–07, he became a member of the Central Committee of the party and a deputy of the Third and Fourth State Dumas. He was quite ambitious and repeatedly criticized leader of the Kadet Party P. Milyukov. Nekrasov served as Minister of Railways in the first and second Provisional Governments. In the third Provisional Government, he became A. Kerensky's right-hand man, assuming the post of Deputy Prime Minister. However, due to disagreements with Kerensky, Nekrasov was soon sent to Finland as Governor-General. In the summer of 1917, he left the party.¹⁵

After February, a new career arc began for the former director of the Tomsk Institute of Technology, Kadet professor E. Zubashev. He was appointed provincial commissar of the Tomsk province. The February Revolution caused not only the collapse of the army and industry but also the disorganization of higher education and science. In the Russian Empire, a significant portion of scientific and technical projects were coordinated and financed by the government and sometimes directly by members of the royal family. Everything came to a halt almost immediately after the overthrow of Nicholas II. The unity of power disintegrated, and it passed to

¹² "Sons of the Fatherland" [in Russian], *Za kadry. Gazeta Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 13 (3413), September 19, 2014, 3.

¹³ "Sons of the Fatherland" [in Russian], *Za kadry. Gazeta Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 13 (3413), September 19, 2014, 3.

¹⁴ Khandorin, "National Idea."

¹⁵ Khandorin, "Political Evolution."

committees, councils, and commissions. Endless discussions about reforms and the search for those responsible unfolded, while practical work came to a standstill.

In Siberia, the engineering and technical teaching staff sought a force to which they could “lean.” A number of workers joined the Siberian regionalists, who became active in May and June 1917. From April 30 to May 2, 1917, the First All-Siberian Congress of the Kadet Party and the First Congress of the Yenisei Cossacks were held in Tomsk. Delegates demanded the immediate convention of the Siberian Regional Duma. The regionalists formed their own organizing committee.

Shortly before the Bolsheviks seized power in the capital, the First Siberian Regional Congress opened in Tomsk. Those who gathered there demanded the formation of Siberian governing bodies. The congress opened on October 8, 1917, in the university library in Tomsk. G. Potanin, head of the Central Siberian Organizing Committee, sat on the congress presidium. A green and white banner “Long live autonomous Siberia!” and the red banner of the Socialist Revolutionaries “Land and Freedom” hung in the background. The rostrum was decorated in white and green.¹⁶ By a majority vote, the congress resolved the following: as an autonomous entity, Siberia must possess full legislative, executive, and judicial authority.¹⁷

The October Revolution was not accepted by the faculty and the majority of the student body at Siberian universities. When a new government was established in Tomsk, the university intelligentsia attempted to sabotage all major decisions of the local council. Financial and economic issues were the exception. Thus, TTI professors were forced to contact the new government to halt the transfer of educational workshops to state ownership.¹⁸

The relationship between higher education and the new government was very difficult. The dissolution of the Constituent Assembly by the Bolsheviks did not cause any serious discontent among the professors because pro-Kadet sentiments were strong among that group. The Kadets, however, found themselves in a complete minority in the Constituent Assembly and had little to lose from its dissolution. It became clear to the liberal-minded professors that forming an anti-Bolshevik government would be impossible.

Protest activity was not particularly strong among Siberian universities. However, news of the dissolution of the Constituent Assembly in January 1918 was greeted with great excitement by the public in Tomsk. Members of the Tomsk City Duma,

¹⁶ N. Zhilyakova, “October 1917 in Tomsk: The Revolution against the Background of Shortages and Crime” [in Russian], *vtomske.ru*, accessed March 2, 2025, <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti>

¹⁷ V.I. Shishkin, “Siberian Regionalism in the Context of Revolutionary Events: March–October 1917” [in Russian], *Acta Slavica Iaponica*, vol. 37 (2016): 47–71.

¹⁸ Khandorin, “Political Evolution.”

including representatives of the Tomsk Institute of Technology, gathered for an emergency meeting late in the evening of January 8. Even before the meeting began, the Duma hall was overcrowded. Most of the attendees were students, female students, gymnasium students, and workers. Representatives of the faculty and employees of various institutions were also present. The meeting began with a moment of silence in memory of those killed in Petrograd during the dissolution of the Constituent Assembly. People wanted an explanation for why the assembly had been dissolved.¹⁹

The Tomsk university community was electrified, and on January 21, 1918, they attempted to organize a protest. Excited students gathered in the large hall of the university library. Right-wing Socialist Revolutionary Prokopii Belyakov headed the spontaneous protest. The meeting began with a moment of silence in honor of the victims of the events of January 9, 1905, and January 5, 1918. Then P. Derber, chairman of the provisional Siberian Regional Council, addressed the meeting. He urged the students to support the policies of the Siberian Regional Duma. Belyakov and other organizers of the protest wanted to obtain official permission to hold a citywide student strike. A heated debate ensued. However, after a break until 7 p.m., the required number of students could not be gathered, and therefore it was impossible to make the decision to call a general strike.²⁰ There was a temporary political lull following those events, and Siberian higher education institutions resumed their normal work.

In the spring of 1918, Siberian universities were shaken by news from the capital. It became known that the Bolsheviks were preparing a new reform of higher education, and a commission for the reform of higher education had already been established within the People's Commissariat of Education. It included professors P. Shteinberg, M. Pokrovskii, V. Artem'ev, and M. Reisner.²¹

Bolshevik M. Reisner, a former TTI professor, was one of the main developers of the Draft Regulations for Russian Universities, which envisioned broad autonomy, decentralization, and democratization of universities. According to Reisner's plan, each university was to represent a combination of three areas of activity: academic, educational, and fundamental. According to the authors of the project, such division would best facilitate the production and dissemination of theoretical and applied sciences. According to Reisner, universities were to receive complete autonomy. Departmental subordination to the People's Commissariat of Education was limited

¹⁹ "The City Duma" [in Russian], *Znamya revolyutsii* (Tomsk), no. 7, January 10, 1918, 3.

²⁰ Pomozov, O.A. "Siberia Liberation Day" [in Russian], *Laiplib*, accessed March 2, 2025, <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11>

²¹ "Congress on People's Education" [in Russian], *Izvestiya VTsIK*, no. 71 (335), April 11, 1918, 4.

to the submission of annual reports. The commissariat was obligated to fully finance universities. Internal distribution of funds was to be carried out by the universities themselves. According to Reisner's plan, the distribution of funds within educational institutions was to be determined independently, based on collegial management. It meant that the position of rector was not provided for; instead, the following was proposed: "the general management and direction of the university's activities shall be carried out by the University Council (or the Council of University Associations)."²² Clearly, Reisner's plan for expanding university autonomy was an expression of ideas that were discussed already at the turn of the 20th century and were partially implemented by the Provisional Government.

Initially, the Soviet leadership did not restrict the autonomy of higher education. The People's Commissariat of Education, established in November 1917, did not have a clear plan of action regarding higher education. Fundamentally different proposals for reforming higher education were submitted to the commissariat. Some of them proposed to preserve the autonomy, while others proposed to significantly limit it. People's Commissar for Education A. Lunacharsky demanded the closure of autonomy. Rector of Moscow University M. Menzbir categorically opposed that.

The Bolshevik leaders also disagreed on how to deal with the students and faculty who did not recognize Soviet power. Eliminating the autonomy of universities would turn that segment of the intelligentsia into the enemies of the Soviet regime and completely destroy the higher education system. Maintaining autonomy would allow for future dialogue between the authorities and the representatives of higher education.

Ultimately, the Bolsheviks temporarily abandoned the idea of closing universities but did not abandon the idea of reforming higher education. It was decided to make temporary concessions in order to develop a new reform plan in collaboration with the professoriate. The reformers planned to make universities more open and accessible to all citizens of the country. Those proposals were interpreted in various ways, but in fact, they implied a radical overthrow of the previous system. First, they proposed introducing public supervision of universities through special People's Councils. Second, they proposed abolishing entrance exams, eliminating the privileged position of faculty members at universities, and involving students in teaching. In that form, M. Reisner's project was approved and sent to universities across the country for discussion. However, all those ideas reached Siberia

²² V.S. Parsamov, "Struggle for the University in Bolshevik Russia, 1917–1921" [in Russian], *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, no. 6 (39) (2018): 121–46, <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

significantly late and had not been accepted by the local academic and pedagogical community before the anti-Bolshevik coup of May 1918.

After the overthrow of the Soviets in the summer of 1918, when power fell into the hands of the so-called democratic Provisional Siberian Government until Kolchak's November coup, the Siberian Regional Duma became a stronghold of the regionalist autonomists. Its members included Tomsk University professors N. Novombergskii, B. Veinberg, V. Sapozhnikov, and S. Nikonov, while TTI was represented by Professor P. Gudkov.

Tomsk professors took important positions in the Provisional Siberian Government. Kadet V. Sapozhnikov became a candidate for membership in the ruling Directory and Minister of Public Education. It was thanks to him that Irkutsk University was opened in October 1918. A TTI professor, regionalist P. Gudkov, took the post of Minister of Trade and Industry. Kadet N. Novombergskii, a Tomsk University professor, became Deputy Minister of Indigenous Affairs.

In the second half of 1918, the professoriate of Siberian universities actively advocated for the preservation of the broad academic freedom and university autonomy achieved under the Provisional Government. The statutes of Siberian universities, adopted under the new conditions, reflected those aspirations. Overall, during the active phase of the Civil War, issues related to the democratization of the internal public life of universities became less frequently raised by the teaching and research community. Occasionally, proposals were made to allow lower-level faculty members to participate in the election of rector. Liberal-minded professors proposed greater student involvement in decisions concerning the internal affairs of departments.

The Civil War raged, and the university intelligentsia sought to escape its hotbeds. By the end of the summer of 1918, Siberia had become a refuge for some faculty members from a number of universities in European Russia. For example, on August 7, 1918, V. Kappel captured Kazan, seizing Russia's gold reserves. Kazan University came under the control of the Whites, at which most of its faculty members were overjoyed. But the joy was short-lived. Just a month later, the Red Army recaptured Kazan. Ninety-six faculty members left Kazan with the Whites, and many of them found work at Tomsk universities later. The Red Army's Ural Offensive also led to the departure of some Perm university faculty and students to the east. Following their Kazan colleagues, a significant number of them relocated to Tomsk in June 1919.

During the revolutionary events, new universities also appeared in Siberia. The Commercial Institute and the Private Agricultural Institute were established in Omsk. In the fall of 1918, Irkutsk University opened its doors to students and became the first institution of higher education in Eastern Siberia. That same year, the

Polytechnic Institute was established in Vladivostok. The Omsk Commercial Institute, for example, trained students in two areas: economics and commerce. In the spring of 1918, it was transformed into the Polytechnic Institute. After some time, new departments were established at the institute. In addition to economists, it began training specialists in chemistry, mechanics, and civil engineering. The Polytechnic Institute's faculty consisted of 7 professors. The Private Agricultural Institute had five departments. It trained agronomists, veterinarians, forestry specialists, and economics. The university employed approximately 20 professors.²³

The top Siberian professors, especially those in engineering and technical fields, welcomed Supreme Ruler Admiral A. Kolchak, who came to power in November 1918. The most prominent among them was Kadet G. Tel'berg, a young, ambitious, and active professor of law at Tomsk University. Initially, he managed the affairs Kolchak's cabinet of ministers. Then he became Minister of Justice and Deputy Prime Minister and actually became one of Kolchak's closest confidantes. Thanks to his patronage, many TTI faculty members were able to advance in their careers. For example, Professor S. Vvedenskii became Minister of Trade and Industry, Professor S. Lebedev became Director of the Department of Industry in the same ministry, and G. Potanin's nephew, Professor A. Lavrskii, a Kadet, became Chairman of the Tomsk City Duma.

Overall, the faculty and student body of Siberian higher engineering and technical school responded positively to the establishment of Kolchak's regime. Many hoped for the return of pre-revolutionary benefits and privileges. However, the situation was not conducive to normal academic and research activities. Despite increases in faculty salaries and financial support from Kolchak's Ministry of Education, the universities constantly experienced financial difficulties.

Some faculty members at technical universities participated not only in the economic but also in the socio-political life of the region. For example, in March 1919, the TTI Council appointed Professor P. Mikulin to the Governorate Committee for Aid to Kolchak's Army.²⁴ However, it did not improve the situation in the

²³ A.L. Posadskov, "Higher Education in the Capital of 'White' Siberia: From the History of Universities in Omsk during the Civil War (1918–1919)" [in Russian], in *History of Science and Education in Siberia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Krasnoyarsk, November 15–16, 2005)*, ed. Ya.M. Kofman (Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva, 2006), 291.

²⁴ "Vypiski iz protokolov zasedanii soveta. Otnoshenie rektora k upravlyayushchemu Tomskoi guberniei i soyuzu prepodavatelei o vybore predstavitelei v komitet pomoshchi armii" [Excerpts from the minutes of the board meetings. Rector's letter to the Tomsk Governor and the teachers' union regarding the election of representatives to the army assistance committee]. F. 194, op. 1, d. 262, l. 5. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Oblast]. Tomsk, Russia.

institute: many of its premises were occupied by outside organizations, and the classrooms were not heated. Admission deadlines were pushed back to October. Disillusionment and despair set in among students and faculty. The loyalty of the engineering and technical faculty to Kolchak's regime was shaken when the Kadets proposed conscripting the intelligentsia, including students, high school students, and teachers, into Kolchak's army.²⁵

The rule of anti-Bolshevik regimes in the east of the country had a contradictory impact on the state of higher technical education. On the one hand, new centers of higher engineering education were created, in particular, the Omsk (Commercial) Polytechnic Institute. On the other, classes at universities virtually came to a standstill. Almost all students were mobilized. More or less available university premises were occupied by military needs, hospitals, and government agencies.²⁶

However, the revolutionary events and the civil war did not halt the training of engineering and technical personnel. Moreover, the region's universities became a haven for professors and students from the center of the country. For example, Nikolai N. Semenov,²⁷ who later received the Nobel Prize in Chemistry in 1956, lived and worked in Tomsk from September 1918 to March 1920. Many newcomers were hired by the Technological Institute and the university. Specifically, Semenov was elected a junior assistant by the Physics and Mathematics Faculty Council at the recommendation of the Tomsk University rector, Professor A. Pospelov, on February 15, 1919.

In 1918, Nikolai I. Kamov, one of the future chief designers of Russian helicopters, began his studies at TTI. He was enrolled at the institute at the age of 15. From 1918 to 1923, Kamov studied at the mechanical engineering department. Interestingly, the future helicopter designer shared a desk with Khariton N. Slavorossov, a famous Russian pilot of the time who was awarded the French Military Medal and the Military Cross. Under his influence, Kamov became inspired with love for aviation and aircraft construction.

²⁵ N.G. Dumova, *The Kadet Counterrevolution and Its Defeat (October 1917–1920)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1982), 53.

²⁶ “‘Memorandum of the Tomsk Universities Management Board’ to the Department of Higher Education Institutions of the People’s Commissariat of Trade Unions, Glavprofobr, Sibnarobraz i Sibprofobr as of July 5, 1920” [in Russian], in *Authorities and Intelligentsia in Siberian Province (late 1919–1925): A Collection of Documents*, comp. S.A. Krasil’nikov et al. (Novosibirsk: EKOR, 1996), 45–56.

²⁷ G.V.Maier, and S.F. Fominykh, “Tomsk Period in the Life of Academician N.N. Semenov” [in Russian], *National Research Tomsk State University*, accessed March 2, 2025, <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php>

In the summer of 1919, Kolchak's government began preparing Siberian educational institutions (including the Omsk Polytechnic and Agricultural Institutes, the Omsk Cadet Corps, and Tomsk University) for evacuation to the Far East. However, only a relatively small number of students and faculty decided to leave their cities. The universities continued to operate in Tomsk, but the engineering and technical departments of the Omsk Agricultural Institute ceased operations in Omsk in December 1919.²⁸ The polytechnics (some of the faculty and students) departed for Vladivostok along with their classroom equipment and library. There, the Omsk residents participated in the creation of a specialized university, the Higher Polytechnic School. The faculty was given the opportunity to remain in Vladivostok permanently.²⁹

Things turned out differently with the Tomsk Technological Institute. In the fall of 1919, when Kolchak's troops were suffering defeats and retreating, Supreme Ruler Kolchak ordered the military commandant of Tomsk to evacuate the Technological Institute with its equipment and library to Chita. The rector, Professor Ivan I. Bobarykov, managed to persuade the commandant not to do so, referring to the impossibility of evacuation due to the lack of sufficient number of railcars. The military commander agreed with those arguments, and the institute remained in place and preserved its existence. Although there were some difficulties and interruptions, TTI continued to operate. Having assumed control of Siberia's higher education, the new government did not impede the training of engineering and technical personnel.

Conclusion

Thus, Siberia's higher engineering and technical school underwent a wave-like process of politicization of faculty and students during the period of revolution and civil war. Representatives of that field of knowledge in the region not only had a sense of belonging to many nationwide events, but they often participated in them directly. Despite their peripheral location, the faculty and students of Siberian engineering universities were a part of unified academic space within the country, generally adhered to liberal positions, and leaned toward regionalism. Overall, this segment of the intelligentsia exhibited a so-called split consciousness. However, recognizing the need to continue education, teaching, and research, the engineering and technical educational community tended to adopt a conformist attitude toward the authorities.

²⁸ V.D. Polkanov, and A.F. Bukin, "Omsk Commercial (Polytechnic) Institute (1917–1919)" [in Russian], *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*, no. 5 (2012): 195–98, EDN: SHJYGZ

²⁹ L.S. Malyavina, "The Role of Scientists from the Urals and 'White' Siberia in the Development of Higher Education and Science in the Russian Far East (1918–1922)" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Istoriya*, no. 3 (11) (2010): 57–71.

Список литературы

Вдовенко А. Сколько зарабатывали преподаватели императорских университетов. И какой у них был статус в России конца XIX – начала XX века // Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-universitetov/> (дата обращения: 02.03.2025).

Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–71. EDN: UGXMEJ

Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). Москва: Наука, 1982. 416 с.

Жулякова Н. Октябрь 1917-го в Томске: революция на фоне дефицита и преступности // vtomske.ru. URL: <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyuciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti> (дата обращения: 02.03.2025).

Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Томский период в жизни академика Н.Н. Семенова // Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (дата обращения: 02.03.2025).

Малявина Л.С. Роль ученых Урала и «белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2010. № 3 (11). С. 57–71.

Некрылов С.А., Грибовский М.В. Сибирская профессура рубежа XIX–XX веков: социальный и политический портрет // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 21–37. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>, EDN: XRVEEN

Парсамов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 121–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

Первые профессора Императорского Томского университета // Экскурсионно-просветительский центр ТГУ. URL: <https://museum.tsu.ru/stud/professor> (дата обращения: 02.03.2025).

Полканов В.Д., Букин А.Ф. Омский коммерческий (политехнический) институт (1917–1919 гг.) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 5. С. 195–198. EDN: SHJYGZ

Помозов О.А. День освобождения Сибири // Лайвлиб. URL: <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11> (дата обращения: 02.03.2025).

Посадсков А.Л. Высшее образование в столице «белой» Сибири: из истории вузов г. Омска в годы Гражданской войны (1918–1919) // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. (Красноярск, 15–16 ноября 2005 г.) / под редакцией Я.М. Кофмана. Красноярск: Издательство Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2006. С. 290–297.

Рыжковский В.В. Высшее специальное образование в 1880–1930-х годах (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Дмитриев А.Н. и др. Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775–808.

Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы //

Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137. EDN: OOGUEL

Тарасова В.Н. Высшая инженерная школа России (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000. 50 с. EDN: ZKTHNF

Феклисова Т.М., Мозгунова Н.Н. Становление русской инженерной школы // Профессиональное образование: актуальные проблемы и пути их решения: материалы 3-й региональной научно-практической Интернет-конференции (Ливны, 18 декабря 2020 года) / под редакцией Е.А. Звягиной. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. С. 97–101.

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак // *iknigi.net*. URL: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html> (дата обращения: 02.03.2025).

Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны // *ru_civil_war*. URL: <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html> (дата обращения: 02.03.2025).

Хисамутдинова Н.В. Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899–1990 гг.). Владивосток: ВГУЭС, 2009. 286 с.

Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Т. 37. С. 47–71.

References

Dumova, N.G. *Kadetskaya kontrrevolyutsiya i ee razgrom (oktyabr' 1917–1920 gg.)* [The Kadet counterrevolution and its defeat (October 1917–1920)]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)

Feklisova, T.M., and N.N. Mozgunova. “Stanovlenie russkoi inzhenernoi shkoly” [The formation of Russian engineering school]. In *Professional'noe obrazovanie: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya: materialy 3-i regional'noi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii (Livny, 18 dekabrya 2020 goda)* [Professional education: Current problems and solutions: Proceedings of the 3rd regional scientific and practical Internet conference (Livny, December 18, 2020)], edited by E.A. Zvyagina, 97–101. Orel: OGU imeni I.S. Turgeneva, 2021. (In Russian)

Gribovskii, M.V. “Politicheskaya aktivnost' ‘levoi’ universitetskoi professury v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov” [Political activity of the ‘leftist’ university professors in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2 (44) (2015): 54–71. EDN: UGXMEJ (In Russian)

Khandorin, V.G. “Natsional'naya ideya i admiral Kolchak” [National idea and Admiral Kolchak]. *iknigi.net*. Accessed March 2, 2025. <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html> (In Russian)

Khandorin, V.G. “Politicheskaya ehvolyutsiya tomskoi professury v gody revolyutsii i grazhdanskoi voiny” [Political evolution of Tomsk professoriate during the Revolution and the Civil War]. *ru_civil_war*. Accessed March 2, 2025. <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html> (In Russian)

Khisamutdinova, N.V. *Dal'nevostochnaya shkola inzhenerov: k istorii vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya (1899–1990 gg.)* [Far Eastern School of Engineers: On the history of higher technical education (1899–1990)]. Vladivostok: VGUES, 2009. (In Russian)

Maier, G.V., and S.F. Fominykh. “Tomskii period v zhizni akademika N.N. Semenova” [Tomsk period in the life of academician N.N. Semenov]. *Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet*. Accessed March 2, 2025. <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (In Russian)

Malyavina, L.S. “Rol' uchenykh Urala i ‘beloi’ Sibiri v razvitiu vysshei shkoly i nauki Dal'nego Vostoka Rossii (1918–1922 gg.)” [The role of scientists from the Urals and “White” Siberia in the development of higher education and science in the Russian Far East (1918–1922)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3 (11) (2010): 57–71. (In Russian)

Nekrylov, S.A., and M.V. Gribovskii. “Sibirskaya professura rubezha XIX–XX vekov: sotsial'nyi i politicheskii portret” [Siberian professoriate in the late 19th – early 20th centuries: A social and political profile]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (55) (2018): 21–37. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>. EDN: XRVEEH (In Russian)

Parsamov, V.S. “Bor'ba za universitet v bol'shevistskoi Rossii 1917–1921 gg. [Struggle for the university in Bolshevik Russia, 1917–1921]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, no. 6 (39) (2018): 121–46. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146> (In Russian)

“Pervye professora Imperatorskogo Tomskogo universiteta” [First professors of Imperial Tomsk University]. *Ehkskursionno-prosvetitel'skii tsentr TGU* [Excursion and Educational Center of Tomsk State University]. Accessed March 2, 2025. <https://museum.tsu.ru/stud/professor> (In Russian)

Polkanov, V.D., and A.F. Bukin. “Omskii kommercheskii (politekhnicheskii) institut (1917–1919 gg.)” [Omsk Commercial (Polytechnic) Institute (1917–1919)]. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*, no. 5 (2012): 195–98. EDN: SHJYGZ (In Russian)

Pomozov, O.A. “Den' osvobozhdeniya Sibiri” [Siberia Liberation Day]. *Laiplib*. Accessed March 2, 2025. <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11> (In Russian)

Posadskov, A.L. “Vysshee obrazovanie v stolitse ‘beloi’ Sibiri: iz istorii vuzov g. Omska v gody Grazhdanskoi voiny (1918–1919)” [Higher education in the capital of ‘white’ Siberia: From the history of universities in Omsk during the Civil War (1918–1919)]. In *Istoriya nauki i obrazovaniya v Sibiri: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Krasnoyarsk, 15–16 noyabrya 2005 g.)* [History of science and education in Siberia: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation. (Krasnoyarsk, November 15–16, 2005)], edited by Ya.M. Kofman, 290–97. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva, 2006. (In Russian)

Ryzhkovskii, V.V. “Vysshee spetsial'noe obrazovanie v 1880–1930-kh godakh (meditsina, sel'skoe khozyaistvo, finansy i ehkonomika)” [Specialized higher education in the 1880s–1930s (Medicine, agriculture, finance, and economics)]. In A.N. Dmitriev et al., *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [Timetable of change. essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)], 775–808. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Saprykin, D.L. “Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy” [Engineering education in Russia: History, concept, and prospects]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 1 (2012): 125–37. EDN: OOGUEL (In Russian)

Shishkin, V.I. “Sibirskoe oblastnichestvo v kontekste revolyutsionnykh sobytii: marta–oktyabrya 1917 goda” [Siberian regionalism in the context of revolutionary events: March–October 1917]. *Acta Slavica Iaponica*, vol. 37 (2016): 47–71. (In Russian)

Tarasova, V.N. “Vysshaya inzhenernaya shkola Rossii (poslednyaya chetvert' XVIII v. – 1917 g.)” [Higher engineering school of Russia (last quarter of the 18th century – 1917)]. Doctoral thesis, Russian Independent Institute of Social and National Problems, 2000. EDN: ZKTHNF (In Russian)

Vdovenko, A. “Skol'ko zarabatyvali prepodavateli imperatorskikh universitetov. I kakoi u nikh byl status v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka” [How much did professors at imperial universities earn? And what was their status in Russia in the late 19th – early 20th century]. *Skillbox*. Accessed March 2, 2025. <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-universitetov/> (In Russian)

Zhilyakova, N. “Oktyabr' 1917-go v Tomske: revolyutsiya na fone defitsita i prestupnosti” [October 1917 in Tomsk: The revolution against the background of shortages and crime]. *vtomske.ru*. Accessed March 2, 2025. <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti> (In Russian)

Информация об авторах

Алексей Григорьевич Осипов – доктор исторических наук, заместитель директора Института стратегического развития, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>, a.g.osipov@ssga.ru, Сибирский государственный университет геосистем и технологий (д. 10, ул. Плахотного, 630108 Новосибирск, Россия).

Денис Игоревич Муренко – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>, denismurenko@yandex.ru, Новосибирский государственный технический университет (д. 20, пр-т Карла Маркса, 630073 Новосибирск, Россия).

Information about the authors

Aleksei G. Osipov – Doctor of Science in History, Deputy Director of the Institute of Strategic Development, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>, a.g.osipov@ssga.ru, Siberian State University of Geosystems and Technologies (10, ul. Plakhotnogo, 630108 Novosibirsk, Russia).

Denis I. Murenko – Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of History and Political Science, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>, denismurenko@yandex.ru, Novosibirsk State Technical University (20, pr. Karla Marksa, 630073 Novosibirsk, Russia).

Заявленный вклад авторов

Определение цели и задач исследования на основе изучения научной литературы; написание части текста – А.Г. Осипов (доля вклада автора – 1/2).

Определение круга источников; написание части текста – Д.И. Муренко (доля вклада автора – 1/2).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement

Determining the purpose and objectives of the study based on the analysis of scientific literature, writing the part of the text by A.G. Osipov (author's contribution share is 1/2).

Determining the range of sources; writing the part of the text by D.I. Murenko (author's contribution share is 1/2).

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 22.12.2025.